

Zviad Anageli

Пять рассказов

*«Амбициозный
пессимист»,
«Сезон одуванчиков»,
«За занавеской»,
«По заслугам
и честь»,
«Осиротевшие»*

Zviad Anageli
Пять рассказов

«Издательские решения»

2015

Anageli Z.

Пять рассказов / Z. Anageli — «Издательские решения», 2015

Амбициозный пессимист: «Я прекрасно живу по сравнению с тем, как намного хуже нынешнего жил раньше». Сезон одуванчиков: ничего не меняй, просто пошевели мозгами и открой глаза пошире, смотри вперед и ничего опасного с тобою не случится. По заслугам и честь: рай, ад и реальность. Осиротевшие: осиротевшая, повзрослевшая от всего пережитого девушка в эту минуту горчайшего горя встречала свою сбывшуюся наконец любовь.

© Anageli Z., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Амбициозный пессимист	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Пять рассказов
«Амбициозный пессимист», «Сезон
одуванчиков», «За занавеской», «По
заслугам и честь», «Осиротевшие»
Zviad Anageli**

© Zviad Anageli, 2015

© Tamara Gaidarova, перевод на русский, 2015

Редактор Zurab Kutibashvili

Редактор Zhiul Saamishvili

Редактор Tamara Gaidarova

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Амбициозный пессимист

Я лежал на кровати, сложив руки на груди, уставившись на сигарету, зажатую в пальцах правой руки. «Постарел уже, а курить так и не начал» – думал я и не мог понять, как же так получилось. Та сигарета уже почти целиком превратилась в пепел, а я ни разу не затянулся. А она уже целиком превратилась в наклонившийся столбик пепла. «Вот вам и еще один пример тайны устойчивости Пизанской башни» – подумал я и очень осторожно передвинул руку в сторону пепельницы, стоявшей тут же в сторонке. Ещё секунда – и «Пизанская башня» из пепла рассыпалась. Я не почувствовал, но увидел. Фу, чтоб вам... Что там за шум?!

Я проснулся. Обычно у меня очень яркие многоцветные сны, но сигарета приснилась мне впервые. Вообще-то я не придаю значения снам, просыпаясь, тут же их забываю. Как всегда, и на этот раз я был разбужен ворвавшимся в комнату обычным шумом просыпающейся улицы. Я, разумеется, не помню, но все-таки твердо уверен, что первое, что я услышал при появлении на свет, был именно шум улицы, а вовсе не мой собственный младенческий крик. Просыпаясь, как бы не спешил, прежде, чем встать, какое-то время я вслушиваюсь в голоса, раздающиеся с улицы. Мне это нравится, и про себя я называю этот шум не иначе, как фактом существования самой жизни.

В свое время, за эту привычку – давать реальные наименования всем явлениям жизни – некоторые мои коллеги даже возненавидели меня. А в особенности их взмутило, когда я назвал рассвет этапом возобновления жизненной активности, а пробуждение человека – возвращением на этот этап. «Вы, господин!.. Вы – педагог, – и вы не имеете права изменять посвоему испокон века укоренившиеся названия явлений природы!» – со всех сторон слышались возмущенные голоса уважаемых коллег. Моя реакция на эти замечания была традиционной: с иронической улыбкой человека, убежденного в своей правоте, с гордо поднятой головой, я покидал поле боя.

Одним словом, я проснулся. Насладившись шумом улицы, я уже собирался встать с постели, как тут заверещал мой электрический будильник, который, кстати, несколько лет назад подарили мне мои коллеги. Стрелки показывали 8 часов и 30 минут. Мне никогда не нравился сигнал, подаваемый будильником, и я сейчас же выключил его, но теперь уже мой телефон «вспомнил» о том, что он – телефон, и отчаянно затрезвонил. Вот этого я уже не ожидал. Это было для меня не так удивительно, как неожиданно. Я и не вспомню, чтобы в такое время мне кто-нибудь звонил. И вообще, мне редко звонят, так, раз в квартал, если кто вспомнит. А сам я тоже почти никуда не звонил. Короче, зря вносил абонентскую плату. Я потянулся к телефону и приложил трубку к уху: слушаю вас! – только успел сказать, как знакомый женский голос, не слушая меня, прямо-таки – параллельно – назвал меня по имени и спросил: я правильно набрала номер?

Мной овладело какое-то радостное предчувствие. Я как бы догадывался, почему мне звонят.

– Это я, – ответил я, и приготовившись выслушать, вытянулся на кровати.

Затем женский голос объявил мне о том, о чем я мечтал всю жизнь. Прямо мне не сказали, но я и сам прекрасно догадался обо всем. Интуиция мне никогда не изменяла. Звонили из школы, вызывали. По моему сегодняшнему графику, я должен был прийти в школу ко второму уроку. До этого времени у меня было еще два часа, а они просили меня явиться сейчас же. Я слушал и никак не мог заставить «замолчать» свои мысли: моё дело решено! Наконец-то, я достиг своего. Хотя и поздно, но могу считать, что, почти как Юлий Цезарь, и я перешел Рубикон. Да, так что мне лишь остается сейчас же поспешить в школу.

Трубку я положил, находясь уже в приподнятом настроении. Не знаю, не смогу описать, что за ощущение охватило меня. После этого звонка я почувствовал себя совсем другим чело-

веком. Тут же перед моим мысленным взором предстали лица моих коллег. Точнее, я не мог до конца представить, что я увижу на их лицах, войдя в школу с гордо поднятой головой, – удивление, лицемерную радость или зависть? Не думаю, чтобы среди сотрудников нашей школы нашлись бы такие, кто искренне обрадовался бы моему успеху. Причина вынесения такого заключения – это практика моей долголетней работы в этой школе. А в последние годы я даже ощущаю, что стал невыносимым для всех.

Я ждал этого дня, но не мог знать конкретно, когда это может случиться. Приятная неожиданность. Думаю, сегодняшний день я запомню навсегда. «Надо поторопиться», – подумал я и впервые в жизни прямо-таки взлетел с постели.

Руки заученными движениями завязали узел галстука и затянули его на шее. Часы показывали 8 часов 32 минуты. Я подошел к окну и распахнул его настежь. Комнату наполнил весёлый шум улицы. Я закрыл глаза и весь превратился в слух. Не знаю, почему, но я и вправду люблю эти голоса.

Я вообще не привык опаздывать, но, тем более сегодня, я ни в коем случае не должен опоздать.

Я отошел от окна и, как только повернулся, передо мной возник мужчина. Я замер. На несколько секунд мной овладело изумление, и невольно я уставился ему прямо в лицо. И он уставился на меня. Мы смотрели в глаза друг другу, затем совершенно одинаково оглядели друг друга с головы до ног. Ни один из нас не подавал голоса. Он был вроде меня: лет, так, шестидесяти пяти, но выглядел как бы постарше и, я уверен, что он думал обо мне то же самое. Верхняя часть головы у него была оголена, как и у меня, и блестела, как надутый до предела воздушный шарик. Под маской его самоуверенности внимательный взгляд разглядел бы разочарование. А ещё точнее о нем сказали бы так: он выглядел неправдоподобно самоуверенным. Его нос, да, именно размер его носа, как бы документально подтверждал то известное соображение, что этот орган человека растет на протяжении всей его жизни. Очертания его рта и линия губ в их сомкнутом состоянии придавали его лицу вечно строгое выражение. Вот, стоит прямо напротив меня, уставился и так странно разглядывает. Вот он подносит к правому глазу свою левую руку, оттягивает пальцами нижнее веко, чуть наклоняется вперед и смотрит мне прямо в правый глаз, точно так, как делает это пациент с подозрением на болезнь Боткина в кабинете врача. Он еще немного так смотрел на меня, затем перенес свой взгляд мне за спину. Я, разумеется тоже заглянул за него и увидел мои часы, стоявшие около кровати, которые показывали какие-то странные цифры, – 8.35, но видны были как бы наоборот, словно отраженные в зеркале. «Понятно, я стою перед зеркалом», – подумал я про себя. Еще раз оглядел своего двойника, и мы оба поправили узел галстука, собранными в горсть пальцами, одернули рукава выцветшего пиджака, укоротившиеся после стирки, и повернулись спиной друг к другу. «Ну, вылитый лектор!» – сказал я себе, прокашлялся, чтобы прочистить голос, и неожиданно для самого себя, громко произнес: «Приветствую вас, дорогие студенты!» Я и сам удивился, зачем я сказал это, ведь я, всего-навсего, – существующий на мизерную зарплату простой, некоррупцированный учитель истории, хотя и знающий её на высшем уровне... Но сегодня все радикально меняется.

Пора идти! Я быстро отыскал ключи и направился к выходу, который в некоторых иных случаях является и входом.

Выйдя на лестничную площадку, я запер дверь, и только собрался было спуститься по лестнице, как мой взгляд остановился на прямоугольной латунной пластинке, прикрепленной к двери моей квартиры. На ней были выгравированы мои имя и фамилия и номер квартиры. Имя-фамилию и номер квартиры я умышленно не называю, кто знает, что может произойти. Я почти каждый день выхожу и захожу, но никогда не обращаю внимания на эту пластинку. Да и зачем мне это, – я и так прекрасно знаю, к кому я иду и от кого выхожу, – к себе, только к себе, и ни к кому другому. А вот когда я впервые принес эту пластинку и прицепил её на дверь,

я вел себя совсем иначе. Не знаю, чему приписать такое поведение, – или моему тогдашнему возрасту, или еще чему-то, – но помню, раз по пятнадцати в день стоял я перед собственной дверью и с удовольствием созерцал золотистую пластинку. В день раз пятнадцать я читал свои имя и фамилию и столько же раз в день начищал её до зеркального блеска с помощью самых разных средств. Иной раз стоял я перед своей дверью, как будто это был не я, а кто-то другой, и, не сводя глаз со своей фамилии, упрямо стучался к самому себе. Это был единственный период, когда я мечтал о приходе гостя. Тогда даже приход инкассатора был для меня счастьем. Открою, бывало, дверь и все время глазами спрашиваю пришедшего: «Ну, как? Видишь? Ведь сияет! Нравится?» Да, это тогда, – много лет назад. Всего через несколько месяцев я вообще позабыл о её существовании, но вот сегодня, спустя столько времени, почему-то привлекла мое внимание латунная пластинка. Нет, на этот раз я не собирался ни начищать её, ни, тем более, идти в гости к себе самому. Просто сегодня я увидел в ней какую-то пустоту. Мне показалось, что в ней чего-то не хватает. Выше моих имени-фамилии вдруг оказалось вообще пустое место. Нет, она действительно не выглядит достойной меня. Пришло время внести поправку в эту своеобразную и вообще единственную мою визитную карточку. Сегодня же сделаю! – твердо решил я и вернулся домой. Часы показывали 8 часов и 38 минут. Через минуту в кармане моего пиджака тридцатилетней давности уже лежали пластинка и два шурупчика, побрякивая там, пока я спускался по лестнице.

Мастерская, находящаяся в моем же подъезде на первом этаже, и занимавшая очень маленькую комнатку, была открыта. Мастер, насвистывая незнакомую мне мелодию, возился с инструментами. Мастерская эта относилась к категории тех, где ремонтируют тысячу мелочей, начиная от восстановления заушников для очков с сорванной резьбой, и кончая гравировкой любых желаемых надписей на медных пуговицах или на пряжках поясов, а также для решения тысяч подобных проблем. Мне никогда не доставляло удовольствия общение с хозяином этой мастерской. Я всегда старался выйти из подъезда так, чтобы даже не поздороваться с ним, но он все-таки часто замечал меня и непременно окликал меня какой-нибудь неприемлемой для меня фразой, стараясь привлечь моё внимание да еще и задеть при этом почувствительней. А моя реакция при выходе из подъезда на улицу, по традиции: ироническая усмешка человека, уверенного в своей правоте, и гордый вид. Не могу объяснить в точности, почему я избегал общения с ним. Наверное, была причина этому. Мы с мастером, можно сказать, лысели на глазах друг у друга. Я знаю его с детства. Он начинал учиться ещё в мужской школе (когда-то было раздельное обучение мальчиков и девочек), на два класса опережая меня. Через два года, по понятным причинам, мы уже ходили в один класс. Ещё через два года он «овладевал знаниями» вместе с учениками, бывшими на два года младше меня. Потом учителям надоел этот вечный ученик, и его попросили из школы. Несколько лет спустя, за какие-то нарушения закона, мне неизвестные, он оказался в тюрьме, где, по своему менталитету и характеру, чувствовал себя, как рыба в воде, и где, как я думаю, он и овладел своей «многопрофильной» специальностью. Ещё с молодости он почему-то все время цеплялся ко мне, и в течение всего последующего периода жизни я постоянно чувствовал его ироническое, насмешливое отношение ко мне и, естественно, старался избегать его.

Ну, а сейчас, несмотря на внутреннее сопротивление, я все-таки направился к его мастерской. Увидев это, мастер тут же прекратил свое занятие. Хотел отпустить какое-то замечание в мой адрес, но, наверное, удивленный тем, что я направился к нему, удержал в горле уже заготовленную для меня реплику. Не проглотил, удержал на короткое время, а потом обязательно выплюнет... Знаю я, что он за фрукт. Приблизившись, я приветствовал его, – из деловых соображений – и тем самым отдавая дань уважению самого себя, но никак не его. Из-за недавнего телефонного звонка смелости у меня прибавилось, и я чувствовал себя уверенно.

– Ваа! Я скорее ожидал бы второго пришествия, чем твоего прихода ко мне! – с удивлением воскликнул он. Затем, состроив какую-то странную гримасу, рукой помахал перед собственным носом и добавил:

– И когда у тебя закончится этот «Тройной одеколон»?! Каждый день, одетый как для гроба, ты отравляешь им воздух, проходя мимо! Я уже задохнулся, не могу больше! Ваа! Это что за уникам в нашем доме! Короче, ну, никак не могу найти время, чтобы собрать у соседей подписи на твое выселение, вот же беда... – захихикал мастер и махнул рукой.

Моей реакцией на его слова была ироническая усмешка. Не теряя времени, я одним движением руки брякнул на стол перед его носом извлеченную из кармана латунную табличку. Мастер взглянул на пластинку, оперся о стол своими зататуированными, покрытыми седеющим ворсом, руками и сказал мне, так и не разжав зубов, в которых зажата была сигарета:

– Ваа, это что ты мне принес? Отменяется, что ли? Уже перебираешься отсюда? Освободимся, наконец? – спросил он обычным насмешливым тоном, окутывая меня сигаретным дымом. Его лицо и привычно насмешливый тон повегли меня в растерянность, а дым сигареты вызвал такой приступ кашля, что я не смог ему сразу ответить. В знак отрицания я покачал головой, и пальцем указал на пластинку.

– И чего тебе там понадобилось, дед, – заорал он своим противным голосом (а сам-то на два года старше меня!). Он взял в руки мою пластинку и повертел ею перед моим носом. – Что, так прижало, что хочешь этот кусочек латуни сдать в металлолом? Ха-ха-ха, ты, интеллигент поневоле, – захохотал он и презрительным тоном продолжил: – Ну, и что ты с этого получишь, эх ты, дилетант, заодно поснимал бы уж таблички и у соседей, да и пришел бы «дастойно».

Я оборвал его, справедливо возмущенный этими словами. И к тому же, вспомнив утренний звонок, собрал всё своё мужество и осмелился ему ответить:

– Как вам не стыдно – делиться со мной таким вашим опытом, – но голос у меня сорвался, получился жалобный скулеж, и я замолчал, не в силах продолжать. А ему хоть бы что, продолжает себе, криво улыбаясь:

– Вон, у Азаровых «латунь» приклеена, в секунду отдерешь, и у Айвазовых то же самое. На четвертом и у Гелашвили «латунь», там же и у Яшвили, у Исаевых тоже... Хотя нет, у Исаевых простая железка, так ну и что ж? Оторвешь, и пригодится, хоть грязь с обуви будешь счищать. Я тебе больше скажу, – перешел на шепот мастер, – на шестом, у Априашвили, табличка серебряная! Однажды ночью подкрадешься, и... «Хватит, сейчас же сообщу ему, кто я такой», – подумал я, взбешенный, и...

– Довольно! – вскрикнул я ослабевшим голосом, – ваша обязанность выполнить, и, если вы еще способны написать что-то, то вот здесь, – я указал ему пальцем на свободное место на латунной пластинке, – выгравировайте «Лектор». Лек-тор – громко по слогам повторил я, и, высказавшись, почувствовал какую-то внутреннюю гордость. По телу пробежала приятная дрожь. Я рассматривал лицо мастера, ошеломленного моей смелостью, я был уверен, что произвел должный эффект на его психику и на его мнение обо мне, что с этого момента в его глазах я превратился в совершенно другого, куда более уважаемого человека.

Мастер удивленно посмотрел на меня, лицо его изменилось так, словно его переключили на другой канал. Его первое, пренебрежительно-ироническое выражение сменилось уже на насмешливо-ироническое. Он поднял свои брови как можно выше, принял невинный вид и спросил меня:

– Мне не послышалось? Что выгравировать? А ну-ка снова по слогам скажи! – повернулся он ко мне правым ухом и весь как бы превратился в слух.

– Лек-тор. Надеюсь, значение этого слова вы знаете, – ответил я, обескураженный его реакцией.

Мастер фыркнул раз, плечи его затряслись, и раздалось тихое хихиканье, похожее больше на бульканье в легких.

– Лек-т-о-о-р... – выдохнул он со смехом, показал на меня пальцем и некоторое время продолжал так хихикать. Потом присел на стул, низко наклонил голову, и смех его все усиливался. Потом еще раз глянул на меня и спросил сквозь смех:

– А профессора не хочешь? Ха-ха-ха, и фамилию, – хочешь, смену на Априашвили? – Он прикрыл рот рукой и снова весь погрузился в свое хихиканье. Пытался что-то ещё сказать, но хриплый тихий смех душил его. Потом он так усилился, что я уже не мог понять, смеется он или кашляет, по-моему, это больше походило на шипение и свист. Он весь покраснел, из его выпученных глаз катились слезы. Я стоял пораженный, не зная, что предпринять, я впервые видел такое... Мастер, уже впавший в истерику, раскачивался всем телом. Где-то минуту он так шипел и свистел. Наконец, поднял на меня покрасневшие глаза, секунду смотрел так, словно пытался что-то сказать, но не сумел, так как, обессилев от смеха, уже не мог говорить.

– С меня довольно насмешек с вашей стороны. Вы заслуживаете презрения и ничего больше. Хорошо еще, что вы не единственный мастер на Земле! – воскликнул я, осмелев от его беспомощности. Я схватил свою табличку и вышел вон. А из мастерской все также слышалось хихиканье-шипенье, и к этому теперь добавились и другие звуки, так как уже вошедший в азарт мастер принялся колотить кулаками по столу. Мои ручные часы показывали 8 часов и 42 минуты.

Я вышел на улицу, – и тут же меня наполнил шум улицы. Приятное ощущение. Правда, поступок мастера несколько испортил мне настроение, но то, что ожидало меня сегодня, что должно было изменить всю мою последующую жизнь, было для меня такой радостью, что в этот момент не стоило принимать близко к сердцу вредный поступок какого-то существа с неприемлемым для меня уровнем менталитета. Вот если бы это был обычный день, стресс, полученный от поведения мастера, продолжался бы куда дольше. А сейчас я чувствую душевный подъем. И добавление моего звания на пластинке увенчает меня окончательно. Да, сейчас я стал объектом насмешек мастера, но – посмотрим, посмотрим! Достижение цели начинается с мелочей, с деталей. Его поступок сделал меня непробиваемым.

Я перешел через дорогу. Прошел шагов десять – и самостоятельно нашел точно такую же мастерскую. Оказывается, так легко было получить новое звание! Я уже через две минуты смотрел на свою обновленную пластинку. Выше моих имени и фамилии большими красивыми буквами было вырезано: «ЛЕКТОР». У меня дыхание перехватило. Если бы я уже не опаздывал, сейчас же бросился бы цеплять пластинку к двери. Поднимался бы кто-нибудь незнакомый мимо моей двери, прочитал бы: «ЛЕКТОР»! Сказал бы: «Ваа!» – и с почтением продолжил свой путь по лестнице. Некоторым это покажется неприемлемым, они сочтут это проявлением гордыни, но что в этом неприемлемого? Вот, взять хотя бы нашего соседа Априашвили, у него ведь на серебряной пластинке написано «Профессор». Повредило это кому-нибудь? Я не помню, чтобы кто-то осмеивал его или пренебрежительно к нему относился. Напротив, все, и тот мастер в их числе, обращались к нему с уважением. Начиная с дворника и кончая районным инспектором, все в глаза заглядывают и, как увидят, сразу: «Что вам угодно, господин...» – и, как вокруг новогодней елки, танцуют... Видели бы вы в это время выражение лица профессора Априашвили! Ооо, и не говорите! Ну, и чем же я хуже него?!

Автобус остановился прямо передо мной. Пластинку с надписью «лектор», которая уже представлялась мне очень ценной вещью, я спрятал в карман. Спокойно ступил на первую ступеньку, остановился и многозначительно обвел взглядом окружающих. У меня было большое желание оповестить всех пассажиров о том, что с ними вместе будет странствовать лектор. Я бы хотел, чтобы все знали, кто я такой. Наверное, все другие лектора именно так и думают, появляясь в обществе. На секунду и о том задумался, как было бы хорошо, если бы у каждого была бы такая табличка прикрепена на видном месте, ну, если и не с именем, то хотя бы со званием, как на двери. И вот, как только я поднялся на следующую, последнюю ступеньку, я понял, что водитель обращается именно ко мне. Да к тому же довольно грубо:

– Немного поживей! Чего кривляешься! Не видишь, что ли, люди должны подняться! – Я остановился. Нет, не переводятся эти невоспитанные! Разумеется, мне это не понравилось, и я уставился на водителя со строгим выражением лица.

– Знаете, что я вам скажу?.. – я собрался было достойно ответить на грубость, но сзади меня грубо толкнули, и у моего левого уха прозвучал женский голос, достаточно басовитый и агрессивный:

– Ауу, пропустите-ка, мы торопимся! Станут тут, тоже ещё! – протиснулась, грубо оттолкнув меня, обладательница басовитого голоса, а сама тощая, как жердь. А потом уже раздалась в автобусе и другие реплики:

– И что это за тип, что встал здесь посередине?!

– Дядюшка, дай подняться, а?! – надрывался снизу какой-то худой, моего возраста, мужчина в кепке. А здесь кто-то нагло высказался по поводу моего тройного одеколona. В почти совсем безвредной, на первый взгляд, ситуации половина пассажиров ополчилась на меня. К тому же, я и вправду стоял в неудобном месте. Поэтому я еще раз бросил строгий взгляд на водителя, который тем временем кричал на меня: «Чего уставился на меня, пропусти людей!» – и направился к свободному месту в салоне автобуса. Часы показывали 8 часов 46 минут.

Не опоздаю. Так, минут через восемь-десять буду в школе. Как ясновидящему, представился мне тот момент, когда я гордо открою дверь директорского кабинета и в присутствии покрасневших от зависти коллег выслушаю сообщение о моем превращении в лектора. Я уже давно догадывался, что назревает мой уход из школы. Я знал, что рано или поздно всё учтут, перепроверят, оценят и удовлетворят уже давно написанную мною просьбу. Мои подозрения подтвердил сегодняшний звонок: «Ваше дело решено, пожалуйста сегодня в девять часов к директору!» Да-да, «пожалуйста», а не «приходите», как обыкновенно в другое время обращались ко мне. Именно эти слова я услышал недавно по телефону, а все остальное я доверил своему логическому мышлению, которое всегда приводит меня к безошибочным выводам. А в эти последние дни я услышал в школе своими ушами слова, сказанные кому-то директором в мой адрес: «Этот скоро добьется своего!» Вот именно, – добился. Достижение поставленной цели – это ведь одно из качеств, присущих мне с рождения. Меня одолели приятные мысли: закончилась моя заслуженная школьно-педагогическая деятельность! Стало невозможным максимальное использование моих возможностей в сфере среднего образования, мне нужно более широкое поле деятельности, аура высшего учебного заведения. Там я должен исчерпать себя до конца и погаснуть. Именно жаждущие знаний студенты должны истощить меня. Ведь до сегодняшнего дня мои способности к передаче знаний были заключены в стенах школы, как в тюрьме. Восемьдесят процентов моих слов, насыщенных глубокими познаниями, улетучивались, так и не достигнув души учеников с еще незрелым сознанием. Улетучивались не потому, что эти слова не стояли на прочной основе мысли, знания и профессионализма, а потому что местом назначения их было уже сформировавшееся сознание студентов и бакалавров, а никак не школьников. Сам я ничего не скажу о своих возможностях, но тот, кто меня знает, тот хорошо знает и то, что я собой представляю. Я ведь учитель учителей, в самом прямом смысле этого слова. В одно время около двадцати процентов моих бывших учеников стали педагогами и по сей день продолжают внедрять в головы своих учеников знания, когда-то внедренные в них мною. Далек ходить не надо, и нынешний директор моей школы вырос в моих руках. Дерево лучше всех знает свои ветки, – сколько чего на какой выросло, – и, конечно, кто лучше меня знает интеллектуальный «урожай» нашего директора? Воистину, обильным его не назовешь. Да, я знаю, и если честно сказать, то, самое меньшее, два раза мне было стыдно: во-первых, за то, что я был его учителем, а во-вторых, за то, что он теперь мой директор. Это ведь именно тот парень, который сколько-то лет назад на моем уроке упрямо доказывал мне: Ираклий Второй был не царем, а архиереем. Я нигде не говорю об этом, потому что мне не поверят. А ещё, как вчера, помню громкий шепот учителей, недовольных назначением его дирек-

тором: стыдно в школу приходить, ведь это тот самый, который на одном экзамене упоминал об Акаки Руставели!! Предполагают, что директор услышал этот шепот своими ушами – или с чьей-то помощью, – и через неделю двое самых активных шептунов подверглись кадровой чистке, и карьера двух довольно опытных педагогов была принесена в жертву. А уж после этого произошло то, что и сейчас звучит в моих ушах: учительницы, проходящие мимо директорского кабинета, достаточно громко беседовали о том, каким милым ребенком был директор в детстве, да какие умные глазки у него были, прямо-таки – глаза мыслителя! С самого начала он отличался от всех, мы были уверены, что быть ему директором, да и сейчас у него ещё все впереди! А в действительности, если не я, то кто другой ещё знает, что на самом деле думают в школе о нашем директоре.

Тем временем автобус проходил мимо здания Университета. Почти ежедневно я прохожу по этой дороге, но, вот сегодня, как только я увидел этот Храм Знаний, меня почему-то охватило необыкновенно приятное чувство и неопишуемая эмоция одолела меня.

– Остановите! – невольно вырвалось у меня, но в ту же секунду я вспомнил, что сейчас я торопился в школу, а не в Университет, и тут же умолк. Водитель все же услышал мой голос, сбросил скорость и сразу остановился у тротуара. Обернулся, и не увидев ни одного пассажира, стоящего у дверей, раскричался:

– Кто там сходит, поторопитесь, нет времени столько стоять, люди на работу опаздывают! – Пассажиры посмотрели на меня.

– Уважаемый, это для вас остановили! Сойдите, мы вас пропустим, – обратилась ко мне сидящая рядом женщина и встала.

– Н-нет! Хотя, да, да, но... Сейчас, я сейчас... – я как-то неожиданно растерялся. Но что мне было делать?! – я встал и направился к двери.

– Может... – попытался я обратиться к водителю, но он прервал меня и прикрикнул:

– Да сходи же ты, наконец! Люди ждут. Ваа, с ума меня сведет этот человек! – водитель махнул на меня рукой. Я невольно вышел из автобуса.

– Что – люди! Меня аудитория ждет, аудитория! – успел воскликнуть я, прежде чем закрылась дверь автобуса, и направился к Университету. Вот зайду в здание и подниму опять свое настроение до прихода следующего автобуса.

Как только я вошел в здание, радостное волнение нахлынуло на меня. Инстинктивно я опустил руку в карман и вынул мою латунную пластинку. «Лектор» – это гордое слово было написано над моим именем и фамилией. Довольная улыбка пробежала по моему лицу, я почувствовал себя в своей среде, и тут же положил пластинку обратно в карман, принял строгое выражение лица и обвел глазами окружающее пространство. Вокруг сновали студенты. Некоторые смотрели на меня, а большинство не обращало на меня внимания. Да и на что тут было обращать внимание, что удивительного – в Университете стоит лектор! Один молодой парень даже поздоровался со мной, уж, наверное, как с лектором. Мне понравилось. Я расправил плечи и почувствовал, что вот так, выпрямившись, с такими чувствами я ещё никогда нигде не стоял. Я часто заходил в это здание, но только в статусе простого учителя. А теперь – совсем другое дело, совсем другое чувство. По сравнению со стенами школы... «По-моему, в школу я опаздываю», – вспыхнуло в мозгу при воспоминании о школе. Гм, школа... Отсюда звучит – как «детский сад». Часы показывали 8 часов и 48 минут. Я вынужден был покинуть здание Университета, и тут же, на счастье поднялся в следующий автобус и устроился на свободном месте недалеко от двери. В школе буду совсем скоро. Гм, школа!

Я сунул руку в карман и еще раз вынул пластинку, поглядел на надпись, она показалась мне чуть потемневшей, я несколько раз провел ею по рукаву пиджака и снова осмотрел. Сейчас она уже сияла. Хороша, очень хороша!

Я и сам хорошо знаю, что мне давно уже полагалось быть лектором. Здесь же скажу, что лесть для меня категорически недопустима в любом её проявлении, неважно, к достижению

какого результата она бы не вела. Я, в отличие от многих, никогда ни перед кем не пресмыкался и не подлизывался к тем компетентным личностям, которые иногда приходили в школу из вышестоящих органов, которые одним росчерком пера могли бы решить вопрос моего лекторства. Напротив, когда мои, потерявшие лицо, коллеги увивались вокруг них и с помощью тысяч разных уловок старались завоевать их расположение, я даже не замечал их присутствия у нас. Более того, я даже вел себя пренебрежительно по отношению к ним, и, если они пытались демонстрировать перед мной свое превосходство, отвечал им своей традиционной иронической улыбкой, и гордо удалялся, оставляя их с носом. Короче, всячески старался, чтобы никто не подумал, что я льщу им в надежде добиться лекторства. Как вы думаете, разве я тоже не мог в коридоре у директорского кабинета, у самой двери громогласно «думать вслух» об их положительных качествах и абсолютной безупречности? Разве и я не смог бы увиваться вокруг этих компетентных гостей и в нужный момент, именно тогда, когда нежным движением снимал бы с нужного плеча волосок или ниточку, с несчастным видом шепотком сообщить о своей мечте о лекторстве?! Что, не мог бы?! Ведь мог бы и я так поступить?! Ведь мог бы!!! Но, вот именно, что не мог.

– Что вы не могли, дядюшка? Что случилось, вам плохо? – спрашивала сидящая рядом со мной девушка, заглядывая мне в лицо. Оказывается, я выкрикнул эти последние слова. Выступившие на лысеющей голове капли пота катились уже по лицу. «Ничего, ничего, я просто поддался эмоциям», – подумал я про себя. Сейчас уже нет смысла в объяснениях-оправданиях. Латунную пластинку, которую я все это время крепко сжимал в руке, я положил в карман. Я извинился перед пассажирами, которые удивленно смотрели на меня и направился к передней двери. А автобус уже приближался к школе. Я протянул водителю деньги за проезд. Он оказался более воспитанным и, в отличие от предыдущего, заговорил со мной более вежливо и культурно, что сильно укрепило мою уверенность в себе, и я вышел из автобуса вполне готовый к объявлению о моем лекторстве.

Было 8 часов 50 минут, когда я вступил в здание школы. Войдя, я остановился у входа и огляделся вокруг. Я не увидел никого, кроме учащихся. Нигде не было видно ни одного учителя. А я-то так хотел посмотреть на их лица при встрече со мной. Хотя, вот, нашелся один молодой человек. Бывший боксер, а сейчас – учитель физкультуры в нашей школе. Увидев меня, он подошел, поздоровался, стал передо мной, расставив ноги, как страж порядка, и приобнял меня за плечи обеими руками. «Как-то странно он выглядит» – подумал я про себя. Его обычно улыбающееся лицо сегодня было каким-то задумчивым. Снизу вверх (он был сантиметров на двадцать ниже меня) он посмотрел мне в глаза:

– Вас, наверное, огорчает новость о моем уходе из школы, да? – сразу после приветствия испытующим тоном спросил я и внимательно посмотрел ему в лицо.

– Разумеется, мы все огорчены, как же могло быть иначе! – он так обратился ко мне, словно в этом не было ничего необычного, и добавил:

– Да, но разве вы уже знаете об этом?

Какая наглость, даже не стесняется. Я же говорил, я даже не представляю себе коллегу, которого бы обрадовал мой успех. Я рассердился. У меня и раньше не было хороших взаимоотношений с этим чурбаном. Я тут же вспомнил, как несколько лет назад, на школьном новогоднем празднике он объявил: первая мечта у меня была – встретиться на ринге с учителем истории и победить его нокаутом...

– Что, сердце рвется от досады, что я уйду, а ты меня так и не побил? Так, молодой человек? Хотя при всех хвастался, я хорошо помню! – бросил я ему неожиданно для самого себя.

– Не понял? Что вы сказали? – изумился учитель физкультуры.

– А ну-ка, напрягите память и вспомните тот праздник! – добавил я строгости в свой голос и, чтобы напомнить, сделал движение сжатыми в кулак пальцами перед его лицом. Учитель физкультуры удивленно задумался, а потом воскликнул:

– Ох! Вы имеете в виду тот новогодний праздник? Что вы говорите, ведь все это знают, это же была шутка, новогоднее представление, моя любительская роль в нем. Я же говорил так по сценарию, написанному нашим завучем. А вы подумали... Ну, как вы могли... Что вы говорите... Вы ведь такой безвредный, что на вас ни у кого рука не поднимется, чтоб ударить, даже если на вас овод сядет... И что вы такое придумали! Ээх, ну, пойдете, пойдете, все в Учительской, и директор там, все вас ждут, – сказал он, наконец, с сожалением моргая глазами, и направился к Учительской. Я даже как-то растерялся. Что за овод? Я не уяснил себе до конца смысл его фразы, но ничего, подумаешь, если я не понял его мыслей, ведь в нем все хорошо натренировано, кроме мозгов. Я сунул руки в карманы и последовал за ним. Как говорится: впереди шагает пастырь, я же следую за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.